

ПОСЛЕДНИЕ НОВЕЛЛЫ И.А. ГОНЧАРОВА

В.И. Мельник

Произведения позднего периода творчества И.А. Гончарова, написанные незадолго до смерти писателя в сентябре 1891 года, новеллы-очерки «Май месяц в Петербурге», «Превратность судьбы» и «Уха» являются практически не изученными в современном литературоведении. Они почти не упоминаются исследователями, пишущими о творчестве Гончарова. И это не случайно. Они совершенно разрушают привычное представление о Гончарове как писателе.

Осмыслить их в контексте творчества романиста представляется слишком трудным делом. Дело в том, что в них настойчиво и непривычно открыто для Гончарова звучит религиозная тема. Жанровые особенности произведения формируются и организовываются, по сути, вокруг религиозной притчи. Незначительный же объем этих произведений, их смысловая нерасшифрованность и тот факт, что написаны они в последние дни жизни писателя как бы позволяли долгое время фактически игнорировать их при попытках глобальных трактовок гончаровского творчества. Указанные произведения просто замолчаны в нашем литературоведении. Не случайно, что наиболее открытая и ясная в религиозном плане новелла «Превратность судьбы» не была помещена ни в восьмитомном собрании сочинений Гончарова 1952–1955 гг.¹, ни в восьмитомнике, вышедшем в 1978–1980 гг.², хотя эта новелла ранее уже входила в собрания сочинений писателя.

В самом деле, для Гончарова все эти произведения были важны – и он настаивал в своем завещании на включение их в посмертное собрание сочинений. Известно, что 22 августа 1891 года романист написал вторую дарственную, которая была опубликована в газете «Новое время»: «Три статьи моего сочинения: 1) «Май месяц в Петербурге», 2) «Превратность судьбы» и 3) «Уха» – подарены мною в августе 1891 года девице Елене Карловне Трейгут³ для напечатания в ее пользу, сначала в каком-нибудь журнале, потом в общем собрании моих сочинений у книгопродавца г <осподина> Глазунова или же у другого издателя. Ив <ан> Гончаров. 22 августа 1891 г<ода>.»⁴ Выражая пожелание поместить последние свои произведения в посмертное собрание сочинений, Гончаров, очевидно, не считал их «анекдотами» или «безделками».

На наш взгляд, рассмотрение поэтики «Ухи» и других этого же ряда произведений представляется адекватным лишь с точки зрения религиозных взглядов писателя и их отражения в контексте всего его творчества, природа которого, несмотря на достаточно активные усилия русских и зарубежных ученых в последнее время, во многом остается загадочной. Ведь Гончаров-писатель был укоренен не только в культурно-литературных, но и в духовных традициях, а именно эта сторона его творчества, как правило, ускользает от внимания гончароведов.

«Май месяц в Петербурге», «Превратность судьбы» и «Уха» не были опубликованы при жизни писателя. Все три произведения имеют подзаголовок «очерк», при этом трудно судить, был ли он дан самим Гончаровым уже при их написании, или же издатели таким образом объединили их под единой жанровой «шапкой» уже после смерти автора. Вопрос о жанре исследуемых произведений является очень важным для выявления их глубинного смысла.

В.А. Недзвецкий, не учитывая тематического своеобразия последних гончаровских произведений, а также настроения автора на ненавязчивое, но глубокое философское обобщение, говорит о том, что «общие истоки очеркового наследия Гончарова следует искать там же, где и его романа, – в эпохе 40-х годов и художественном мышлении натуральной школы» (В. 7. 416). В.А. Недзвецкий полагает, что Гончаров не только усвоил многие черты поэтики «физиологов» еще при вступлении на литературное поприще, начиная с «Ивана Савича Поджабрина» (1842), но и активно использовал их на последнем этапе своего творчества.

Однако связь с физиологией 1840-х годов в упомянутых произведениях все-таки условна. Более того, как покажет дальнейший анализ, «Превратность судьбы» по-своему противостоит поэтике «натуральной школы».

Уже название новеллы «Превратность судьбы» говорит о том, что ее темой является непостоянство земной доли человека. Судьба то возносит человека в самый верх общества, то опускает его в самые низы.

Сначала Гончаров изображает главного героя новеллы, штабс-рот-мистра Леонтия Хабарова, в обстоятельствах рядовых, ничем не примечательных. Перед нами обычный молодой человек, жизнь которого, кажется, настолько устойчива, стабильна, что не может подвергнуться каким-то необычным переменам. А между тем ему предстоит пройти путь библейского Иова, а потому Гончаров наделяет его такими отличительными чертами, как честность и глубокая христианская вера.

Однако сначала эта вера «дремлет» в человеке, существует как данность и не требует от него никаких жертв. Карьерный рост молодого офицера ясно объясним его качествами: честностью, старанием, «исправностью»: «Молодой Хабаров скоро свыкся в полку со своими товарищами, другими офицерами, и производил также на начальство выгодное впечатление. Он был очень исправен по службе: не гулял, не пил, словом, был трезвым и исправным офицером. Годы между тем проходили, он привыкал все более и более к делу, в очередь получил следующий чин» (Д. VII. 384).

Земная судьба благоволит к герою: купив молодую лошадь за сто пятьдесят рублей, он отлично выездил ее и продал в другой полк уже за тысячу рублей. Затем он повторяет столь удачный и выгодный опыт и упрочивает свое материальное положение. «Таким образом, дела его были в хорошем положении. Он всегда был при деньгах, притом любим товарищами и уважаем начальством <...> Он служил усердно, узнал толк в лошадях, выезжал их, сбывал в другие полки и жил почти припеваючи» (Д. VII. 481).

Однако Гончаров показывает, как Бог начинает приближать человека к себе: судьба героя приходит в движение. Казалось бы, земной жребий выносит молодого офицера на самый верх: Великий князь Константин Павлович приказал перевести Хабарова в Варшаву, в его гвардию. Однако Великий князь оказывается лишь орудием Божьего Промысла о судьбе человека. Он желает герою одного, а по Божьему попущению получается совсем иное. «Земные цари» действуют иногда слепо: повышение статуса оказывается губительным для материального положения Хабарова, поскольку условия жизни в Варшаве требовали гораздо больше издержек. Штабс-ротмистру Хабарову пришлось уволиться с военной службы для определения к другим делам, так как у него не было уже средств существовать в Варшаве.

При отставке он получает указ об отставке и подписанное самим Великим князем особое «похвальное» свидетельство, подтверждающее, что Леонтий «своей службой и поведением заслуживает полное одобрение и может исполнять все возлагаемые на него дела и поручения» (Д. VII. 482).

Вторая части новеллы изображает начинающиеся, но духовно необходимые скорби героя, испытания, связанные с его попытками добыть себе хоть какую-нибудь статскую должность в Петербурге. Герой еще не знает, что выпавшие на его долю скорби есть часть «любви Божией» и чуть не доходит до отчаяния. В страданиях, однако, просыпается и заложенное в нем зерно веры, не востребованное в обычной размеренной офицерской жизни.

Отметим, что сюжет напоминает нам о «Мертвых душах» Н.В. Гоголя и об образе капитана Копейкина, оставленного своим начальством на произвол судьбы. Хабаров приезжает в Санкт-Петербург и в трех различных ведомствах просит место городничего, смотрителя казенного заведения, наконец, хотя бы почтмейстера; но свободного места нигде не находит. Везде, видя отличные рекомендательные документы и соответствующий мундир, Хабарова принимают «очень любезно», однако просят подождать и прийти попозже.

Герой, по мере утраты денег, мундира, опускается все ниже и ниже, подвергается постоянным унижениям и непониманию со стороны тех, с кем сталкивается его судьба. Причем, страдает он именно из-за своей честности и добросовестности.

Таким образом, герой проходит полный круг движения сначала вверх, а затем вниз по социальной лестнице. Ему не на что более надеяться.

Именно в момент, когда все земные возможности исчерпаны, наступает время иной помощи. Речь идет о силах Небесных, собственно – о чуде Божественной помощи. Сюжет, казалось бы, совершенно немислимый для Гончарова.

Однако нужно учесть, что новелла о превратностях человеческой судьбы пишется за три недели до смерти писателя. Ему нет более необходимости скрывать свои истинные религиозные взгляды и чувства. Еще в 1880-е годы писатель начал раскрывать тайну своей личности, которую тщательно прятал от других на протяжении всей жизни: свою глубокую религиозность. В письме к А.Ф. Кони от 30 июня 1886 г. он писал: «Я с умилением смотрю на тех сокру-

шенных духом и раздавленных жизнью старичков и старушек, которые, гнездясь по стенке в церквах, или в своих каморках перед лампадой, тихо и безропотно несут свое иго – и видят жизнь и над жизнью высоко только крест и Евангелие, одному этому верят и на одно надеются!

Отчего мы не такие. «Это глупые, блаженные», – говорят мудрецы мыслители. Нет – это люди, это те, которым открыто то, что скрыто от умных и разумных. Тех есть Царствие Божие и они сынами Божиими нарекутся!»⁵

Ранее романист подобного никогда не говорил. Только теперь открылось, что юродство, скрытность во внутренней жизни было основой его поведения в течение многих десятков лет. Из писем и признаний близким друзьям откровенность все более переходила и в его художественные произведения, как это видно на примере «Превратности судьбы».

После всех своих злоключений, отчаявшись найти помощь, герой идет в Казанский собор и молится Божьей Матери о помощи. Казанский собор, кстати сказать, появляется в тексте новеллы не случайно. Ведь в нем помещалась чудотворная икона Казанской Божией Матери, видимо особенно почитаемая в семье Гончаровых. Очевидно, не случайно Казанская Божия Матерь уже упоминалась Гончаровым в романе «Обыкновенная история» – и тоже в связи с неотложными прошениями к Ней. В «Обыкновенной истории» Казанской Божией Матери молится мать Александра Адуева, прося защиты и помощи для сына: «Как встала, сейчас затеплила лампадку перед Казанской Божией Матерью: авось, она, милосердная заступница наша, сохранит его от всяких бед и напастей»⁶.

Поэтика описания чудесного у Гончарова весьма любопытна. Чудесное совершается не сразу, почти естественным образом. Однако писатель подчеркивает это чудесное тем, что человек действует не сам, а под наитием каких-то иных сил. Не он совершает нечто, но над ним совершается. Внешне все это, конечно, в привычном для Гончарова «бытописательном» стиле: после молитвы к Божией Матери герой «вышел и *машинально* (курсив здесь и далее в цитатах наш. – В.М.) стал смотреть, как на Екатерининском канале воротом тащили большой камень на пьедестал какого-то монумента».

Эта *машинальность* – не только результат того, что герой еще не вернулся от молитвы к реальности (хотя и это тоже есть), она уже начало действия совершаемого над ним чуда. Это подчеркнута другим словечком: *вдруг*. Вдруг – то есть против ожидания, неизвестно, по какой видимой причине. И это «вдруг» совершается над героем: «Приказчик в синей сибирке вдруг пригласил его занять пустое место и вместе с другими тянуть канат».

«Вдруг» – это уже обещание чуда. Чудо, конечно, и то, что одно место оказалось у приказчика пустое. Это Божий Промысл действует в герое и явно переводит его в какую-то иную, духовную плоскость бытия. Через испытания герой изымается из привычной «среды обитания» и начинает свое восхождение к Богу. Герой должен пройти путь очищения, духовного труда и смирение.

Дальнейшее описание показывает, что просьба героя к Божией Матери выполняется, однако, не сразу вслед за молитвой. Герою как бы еще нужно «по-

трудиться». Труд этот – физически тяжелый, совсем не для офицера, – есть форма *смирения* героя, который не случайно говорит: «Видно, в самом деле я обносился! ... и мой вицмундир не спасает меня от обид!» Хабаров, однако, смиряет себя – и втягивается в совместную работу с чернорабочими, некоторые из которых просто пьяницы. Здесь движение «судьбы» героя вниз почти достигает своего апогея.

Характерна и «магия чисел» в этом эпизоде «смирения»: герой ходит к Казанскому собору на работу двенадцать дней – число сакральное в христианстве, обозначающее число апостолов.

По мере приближения к чудесному преображению жизни нарастает и отчаяние героя: он уже начинает задумываться о самоубийстве. Однако вера в Бога не позволяет ему окончательно отчаяться: «Его грызла неотступная мысль, что ему теперь осталось делать? Умереть, наложить на себя руку... Боже сохрани! Он отгонял от себя эту мысль, *он был христианин, он веровал, молился...*» Таким образом, все яснее проявляется смысловая доминанта создаваемого Гончаровым образа: герой – христианин. И его испытания и искушения есть проверка его как христианина. Хабаров подвергается сильнейшим искушениям – и, при всех трудностях, выдерживает их.

Лишь после полного смирения героя происходит, наконец, чудо. Божия Матерь утешает всеми оставленного отставного офицера в его скорби. Его судьба неожиданно (опять «вдруг») меняется. Движение «судьбы» идет резко вверх – снова на уровень царской семьи.

Гончаров подчеркивает, что его герой не действует самостоятельно, а является только объектом приложения каких-то иных сил. Автор снова подчеркивает «машинальность» действий героя: «Он пошел дальше, погруженный в глубокое раздумье о своей горькой участи. Долго ли, коротко ли он шел, он ничего не помнил. Очнувшись от задумчивости, он шел дальше, оглядывался кругом и опять шел. Он даже времени не считал и не соображал — и не по чем и незачем было – и все шел».

Когда, наконец, словно в сказке, он попадает в великолепный сад с дворцом, он по-прежнему пассивен. Судьба сама находит его и буквально «берет за шиворот»: «Вдруг в его грудь уперлась чья-то рука, с красным обшлагом, и вместе с тем раздался строгий голос: – Кто ты? Зачем здесь? Как сюда зашел? Хабаров поднял глаза: перед ним сам император Александр Павлович».

Этот эпизод отчасти перекликается с подобным же эпизодом из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина. Но в пушкинской повести героиня, Маша Миронова, ищет встречи с императрицей, проявляет активность, борется за себя и своего возлюбленного. У Гончарова борьба с судьбой переходит в чисто духовную плоскость: она есть результат молитвы к Божией Матери, результат того, что герой, по выражению автора, «христианин».

Логика гончаровской новеллы именно христианская. Ведь Божия Матерь уготовала герою совсем иное, чем он предполагал: его жизненный путь отныне навсегда окажется связан с Богом. Оказывается, он совсем не там искал утеше-

ния, являясь соискателем штатских и военных должностей. Когда Хабаров после чудесной встречи с Императором приезжает к генералу Дибичу, тот говорит ему:

– Вот что государь велел мне вручить вам. – Он подал ему толстый пакет. – Место почтмейстера, которое назначено было для вас, уже занято, – прибавил он. – Но вы получите, когда выздоровеете совсем, место смотрителя работ при строящемся в Москве храме Спасителя в память изгнания французов. Об этом уже писано в Москву.

Так пролагается в новелле путь от Казанского Собора в Петербурге, куда герой заходит в полном отчаянии, до Храма Христа Спасителя в Москве, где он получает утешение. Это сознает и сам герой: «Но перед отъездом он зашел в Казанский собор, долго молился и горячо благодарил за божественную помощь в претерпенных испытаниях и внезапную радость превратности судьбы».

Говоря о «внезапной радости», Гончаров, несомненно, намекает на то, что Божия Матерь помогает человеку так хорошо, как он и не ожидает, «не чаёт». Эта особенность помощи Божией Матери закреплена в названии иконы «Нечаянная радость».

Гончаров, судя по всему, пересказал действительный случай – по его выражению, «со слов Углицкого». Из очерка «На родине» мы знаем, что прототипом Углицкого является у Гончарова его бывший начальник и благодетель – симбирский губернатор А.М. Загряжский. Именно ему, неутомимому рассказчику и бывалому человеку, тоже, кстати, добивавшемуся губернаторского места через Государя, могла действительно принадлежать подобная история.

Однако сущность этой истории – не в исключительности, а в типичности случая, если на него смотреть с христианской точки зрения. Ибо это история о Божией помощи, которую ежедневно ощущает в своей жизни каждый христианин. Несомненно, Гончаров воспользовался лишь внешней сюжетной фабулой Загряжского, а может быть, и изменил ее, введя от себя чрезвычайно важный и все проясняющий эпизод с Храмом Христа Спасителя. Несомненно, сам писатель придал всей истории характер христианской притчи.

Внутренний стержень рассказанной истории – это обращение героя к Богу, его непоколебимая вера, его упование на Божию Матерь, наконец, терпение, проявленное им при искушениях. Таким образом, перед нами вполне типичная христианская история, каких много находим в житиях святых, в сборниках христианских притч и рассказов.

Нужно сказать, что настроения написанной уже перед смертью новеллы вполне отвечали настроениям самого автора. Пережив много испытаний (связанных с И.С. Тургеневым и романом «Обрыв»), буквально отравивших ему жизнь и превративших его в больного человека, Гончаров не отчаялся. Он давно уже выделил для себя в библейской мифологии именно образ святого многострадального Иова. Этот святой упомянут во «Фрегате "Паллада"» (глава "До Иркутска") и в романе «Обрыв».

Еще одно произведение, написанное в духе открытой религиозности, столь несвойственной Гончарову, – это новелла под названием «Уха». Новелла написана совершенно не в гончаровской традиционной манере, здесь глубоко психологичная проза писателя уступила место как бы «опрощенному», грубовато дидактическому стилю повествования. Б. Энгельгардт отмечал в свое время в «Ухе» отсутствие «развитой психологической характеристики персонажей», а также то, что «на переднем плане здесь голая фабульная ситуация»⁷. По мнению С.П. Бейсова, жанровую специфику произведения можно определить как «литературно обработанный симбирский анекдот, идущий от сатирической народной сказки»⁸. А.Г. Цейтлин выделяет несколько жанровых начал в «Ухе»: «В основу «Ухи» положен какой-то симбирский случай или *анекдот ... рассказу* этому присущи сжатость и обычная у Гончарова сочность бытовых зарисовок. Быстрый ритм повествования приближает «Уху» к жанру новеллы»⁹. В.А. Недзвецкий, более вдумчиво проанализировавший «Уху», склонился к жанровому определению ее как рассказа¹⁰. В свое время мы пытались подчеркнуть «притчевую» жанровую основу произведения, осложненную признаками новеллы в духе Возрождения¹¹.

В самом деле, в «Ухе» есть существенно важные моменты, позволяющие прочитать ее именно как новеллу в духе Боккаччо. Простак и недотепа Ерема наказывает трех самоуверенных мужчин, не желающих принять его за «ровню» тем, что прельщает их жен во время пикника. Среди этих мужчин есть, кстати сказать, и дьяк, который, по всей видимости, не очень набожен.

Во всем этом обнаруживается некоторое сходство с особенностями новелл Боккаччо. Вместе с тем есть в «Ухе» один момент, который совершенно меняет смысл произведения и заставляет говорить о близости гончаровской поздней прозы к русской новелле XVII в. Речь не идет, конечно, о каких-либо реминисценциях, заимствованиях. Скорее, сходство обнаруживается в самом внутреннем предмете изображения и способе повествования.

«Уха» – очень завершенное произведение, в котором нет ничего лишнего и в котором сюжет крайне строг и рассчитан. Голая фабула, о которой сказал Б. Энгельгардт, – это лишь одна сторона дела. Новелла пространственно организована так, что действие внешнее, фабульное, очерчивает строгий, идеальный круг. Действие начинается тем, что «в городе С. из одного дома выехали две телеги», последние же слова произведения: «Обе телеги остановились у дома, из которого выехали утром». Круг дня охватил круг действия. Однако такая законченность и видимая «неподвижность» (все окончилось там, где началось, герои как бы и не уезжали) лишь подчеркивает полный переворот, произошедший во внутренней жизни героев, жизни, которая больше собственно «психологизма».

Сюжет новеллы прост и строится на постоянном, фольклорном по духу обыгрывании трехчленной конструкции: обманутых мужей трое, в действии участвуют три женщины, каждая из которых по часу пребывает в шалаше Еремы, т.е. на «главное действие» уходит три часа. По дороге герои встречают три

церкви, главная из которых (здесь начинается и оканчивается действие) называется церковью Пресвятой Троицы.

Исходная точка психологического действия новеллы – характер Еремы, рассматриваемый с точки зрения христианских добродетелей, с одной стороны, и восприятие этого характера остальными героями (не по-христиански) – с другой. В начале новеллы писатель так характеризует своего героя: «Человек набожный и на взгляд смиренный». А о том, как воспринимают его окружающие, Гончаров говорит: «Ерема был вхож во все три семейства, и все, и мужчины, и женщины, знали его как *смирного простяка и забавного малого, над которым безнаказанно можно посмеяться вдоволь* (курсив наш. – В.М.)».

Здесь исток всей новеллы, в которой простак посмеялся над мудрыми, безнаказанность заменена наказанием (мужчины стали рогоносцами, а женщины потеряли свою репутацию). Казалось бы, перед нами действительно пошлый анекдот о мужьях-рогоносцах и удали «колченогого» пономаря. Именно так была воспринята гончаровская новелла. Так, П.С. Бейсов писал: «Пономарь Ерема, над которым потешаются приказчик, дьячок, мещанин и их бойкие жены, едущие на рыбную ловлю, оставляет их всех в дураках, чему способствует легкомысленное поведение их жен, соблюдающих только внешнее приличие»¹².

В центре новеллы – явный, действительно «анекдотичный» грех: моральное падение самого смиренного и набожного героя, падение трех женщин, моральное падение остальных участников событий: приказчика, дьячка и мещанина. Перед нашими глазами клубок греха. Христианская мораль восторжествовала, но восторжествовала через падение и грех. Назидание героев также идет не через святость, а через грехопадение.

Возникает мысль, что без понимания древнерусских жанровых корней гончаровской новеллы не обойтись. Именно в русской прозе XVII века постоянно соседствуют грех и праведность. В герое русской новеллы сочетаются противоречивые черты. Такова, например, «Повесть о Карпе Сутулове», в которой анекдотический сюжет, связанный с домогательствами, обнаруживает духовную высоту героини (с обратными акцентами грех и святость сочетаются в «Слове о бражнике, како вниде в рай»). В жене Карпа Сутулова Татьяне есть положительное – верность мужу – и в то же время сомнительное: жадность. Исследователи верно подметили: «За посрамлением домогателей следует веселый дележ денег между воеводой и «благочестивой» Татьяной. Этот финал и превращает «Повесть о Карпе Сутулове» в новеллу». Татьяна, будучи верна мужу, все же, строго говоря, грешит, создавая анекдотическую ситуацию трех спрятанных друг от друга мужчин в доме. Кроме того, она не отказывается от столь «веселых» денег. И в «Слове о бражнике», и в «Повести о Карпе Сутулове», и во многих других произведениях XVII века грех становится «веселым», даже когда торжествует добродетель. Кто не без греха? В новелле XVII века благочестивость уже в каком-то смысле берется в кавычки.

Нечто подобное мы, казалось бы, видим и в «Ухе». Причем христианская мораль, несмотря на более явный и действительно совершенный грех, здесь

оказывается торжествующей даже в большей степени, чем в новеллах XVII века, так как смех там к концу произведения не усиливается, а, напротив, стихает. Сам грех, казалось бы, совершается подчеркнуто тихо, даже безмолвно. Смиранный герой не изменяется после падения, не ухарствует, а кается, как и прежде, при виде церквей: «Пресвятая Троица, помилуй нас, грешных!»

Истина, торжествующая через грехопадение, искус, выполняющий благую роль, – вот чем кажется, на первый взгляд, сердцевина христианской мысли в «Ухе».

Однако автор, заставляя предположить три повторяющихся «боккаччиевских» грехопадения, совершившихся в шалаше паномаря Еремы, ведет нас ложным путем банальных домыслов о чужом грехе. В том-то и дело, что суть новеллы определена от начала до конца господствующим религиозным фоном. Никакого грехопадения в новелле ... не показано!

Напротив, автор подчеркивает простую для христианина мысль: как легко осудить ближнего и, ничего не видав, предположить худшее, которое кажется столь очевидным! В новелле Ерема действительно набожен, действительно смиренен. В «Ухе» действует закон обманутого ожидания. На самом деле – перед нами новелла не в духе Боккаччо, но произведение чисто религиозное – о набожности внешней и внутренней, сокрытой.

Мы не знаем, что происходило в шалаше Еремы и почему женщины, пробовавшие там по часу каждая, выходили оттуда в задумчивости. Если Ерема глубоко религиозен, под смех и улюлюканье ближних серьезно творит крестные знамения и молится святым, чьим именем названа церковь (Ерема, проезжая мимо церквей, просит святого заступничества Пресвятой Троицы, Пресвятой Богородицы Тихвинской и Святого Иоанна Крестителя, за что получает тычки в спину и насмешки от своих спутников), то, скорее всего, речь может идти совсем не об авантюрном любовном приключении, но о... проповеди. Лишь «испорченное воображение» пошлого читателя заставляет предположить, что в шалаше Еремы женщины изменяют своим мужьям.

Получается, что в новелле, в соответствии с евангельской заповедью, «первые стали последними, а последние первыми», «плачущие воссмеялись» (Лук. 6: 21). В новелле совершилось великое по сути нравственное действие: женщины полностью пересмотрели свое отношение к Ереме, увидели в Ереме человека полноценного («Он тоже человек, как все люди»). Перед нами случай «воздаяния» праведникам за праведность их.

В этом смысле тема «Ухи» может быть однозначно определена как тема христианского смирения и истинной, сокрытой от глаз «умных и разумных» праведности «простецов».

Религиозный смысл сокрыт и в новелле «Май месяц в Петербурге». При чем здесь открыто выражен и религиозный мотив. Дело в том, что Гончаров пишет свои самые откровенные произведения, чувствуя приближающийся конец. В «Майе месяце в Петербурге» писатель приоткрыл то, что не открывал ранее. А именно: свое недовольство официальной религиозностью, вмешательст-

вом государства в дела религиозной совести (это недовольство уже прорывалось в «Необыкновенной истории») ¹³. Возможно, что речь идет и о более широком предмете: о поведении государственной власти перед лицом новых надвигающихся на Россию проблем. Очевидно, Гончаров не во всем симпатизировал достаточно жесткой государственной политике императора Александра III. Недаром в «Необыкновенной истории» можно разглядеть мотивы сочувствия парламентской английской системе и пр.

В новелле Гончаров пишет о своем герое, некоем Юхнове: «Вообще Юхнов был благопристойный чиновник, друг правительства во всем, начиная с религии. Если правительство считало в империи греко-российскую веру господствующей, он признавал то же самое и находил жалкими и смешными католиков и лютеран, которые исповедуют другую веру. Если при нем католики называли нас схизматиками, он отвечал, что православные считают схизматиками их, католиков, ибо греческая религия, дескать, старше католической. Про лютеранское вероисповедание он говорил, что его выдумал Лютер. наших раскольников он просто называл мужичьем и был во всем на стороне правительства. Про магометан он слышал, что они есть где-то на Востоке. Личные же сношения с ними он имел только когда покупал халат у татарина. Жидов он терпеть не мог» (Б. VII. 209). Показана в «Мае месяце» и иная крайность религиозного поведения: «К графине то приедет русский архиерей, то прелат... Услышит ... что в такой-то церкви православный священник будет говорить красноречивую проповедь, она едет туда, выслушает и умилился искренно. Узнает, что готовится говорить католический прелат, она едет в иноверческий храм и также умиляется ... точно так же с восторгом слушает и какого-нибудь апостола из светских проповедников, нужды нет, что он проповедует явный раскол». Главное же заключается в том, что графиня, о которой пишет Гончаров, «к вечеру забудет их всех».

Таким образом, выступая в «Обрыве» с критикой нигилизма и нигилистов, типа Марка Волохова, Гончаров и в «Необыкновенной истории», и в «Мае месяце в Петербурге» склонен выразить замечания и в адрес правительства. Писатель хотел бы, очевидно, большей гибкости во многих вопросах, предвидя, что накопленные проблемы приведут к революционному взрыву.

Последние произведения писателя и по смыслу, и по жанровым особенностям резко отличаются от всего того, что мы встречаем в его творчестве. «Май месяц в Петербурге», «Превратность судьбы» и «Уху» совершенно невозможно понять вне религиозного, духовного контекста. В этих очень простых по своим сюжету и композиции произведениях впервые появляются в творчестве Гончарова многие религиозные мотивы (чудесной Божьей помощи, скрытого в юродстве праведничества и пр.), что говорит о дальнейшей после «Обрыва» духовной эволюции писателя.

В каком-то смысле слова, поздние очерки Гончарова представляют собой духовное завещание писателя, также всю жизнь «юродствовавшего» и скрывавшего свою глубокую евангельскую веру под маской чиновничьего равнодушия и религиозного индифферентизма.

Его тип писательского утверждения христианства был иным, чем у Гоголя или Достоевского. А. Г. Цейтлин в своей монографии о Гончарове по своему верно отмечал: «Нет в творчестве Гончарова ... того религиозного пафоса, без которого нельзя себе представить Достоевского и Льва Толстого последнего периода его жизни». Но далее следовал совершенно ложный вывод: «Внешнюю набожность, присущую Гончарову, никак нельзя смешивать с религиозным чувством в подлинном смысле. Веры в Бога нет и у героев Гончарова...»¹⁴. Никто не потрудился разобраться, чем же «внешняя набожность» отличается от «веры в Бога». И является ли отсутствие пафоса признаком неверия или «внешней набожности»...

Да, у Гончарова не было пафоса Достоевского и Гоголя, но глубочайшая евангельская вера, несомненно, была. Его путь был «беспафосным», но от того не менее значительным и духовным, но лишь более драматичным. Он скрывал свою личную веру, как только мог. Евангельские установки у него не обнажены, но глубоко залегают в смысловых пластах его произведений. Выявить их чрезвычайно сложно. Это был путь не декларирования евангельских истин, а их художественного пластического воплощения, глубокой работы духа.

Однако в предсмертных новеллах, в том числе в последнем своем произведении «Превратность судьбы», которое было закончено 20 августа 1891 года, то есть всего за три недели до смерти писателя, Гончаров – в полном соответствии жанру – впервые «снимает маску» и открыто говорит о том, что являлось содержанием всей его скрытой от людских глаз жизни. Далее ему не было необходимости скрываться от людей.

¹ Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1952-1955.

² Гончаров И. А. Собр. соч.: 8 т. М., 1978-1980.

³ Воспитанница писателя, дочь его покойного слуги Карла Трейгута.

⁴ Новое время. СПб., 26 января 1893.

⁵ Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 76.

⁶ Как видим, Гончаров знает, что прежде всего Казанская Божия Матерь является «усердной Заступницей» - и в тексте романа использует это слово: «Заступница».

⁷ См.: Гончаров И.А. Повести и очерки. Л., 1937. С. 8.

⁸ Бейсов С. П. И. А. Гончаров и родной край. Куйбышев, 1960. С. 85.

⁹ Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1954. Т. 7. С. 502.

¹⁰ Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 429.

¹¹ Мельник В.И. Народ в творчестве И.А. Гончарова (к постановке вопроса) // Русская литература. 1987. № 2. С. 58.

¹² Там же.

¹³ В книге «Очерки радикализма в России XIX века» (Новосибирск, 1991) Е.А. Кириллова пишет: «... К середине прошлого века религиозность общества скорее шла на убыль. Замирание религиозного чувства и религиозной мысли усиливалось пор мере того, как росло требование официального благочестия» (С.19). Это усиление требования официального религиозного благочестия Гончаров воспринимал болезненно. Оче-

видно, Гончаров всегда чувствовал фальшь и натяжки официоза как нечто болезненное. Характерен его отзыв о будущем редакторе религиозно-патриотического журнала «Москвитянин». Гончаров признает его огромное влияние на развитие и образование студентов, но ему кажется, что в своей религиозности и патриотизме Погодин был не совсем искренен: «У Михаила Петровича ... было кое-что напускное и в характере его и в его взгляде на науку... Может быть, казалось мне иногда, он про себя и разделял какой-нибудь отрицательный взгляд Каченовского и его школы на то или другое историческое событие, но отстаивал последнее, если оно льстило патриотическому чувству, национальному самолюбию и ли касалось какой – нибудь народно – религиозной святыни ...» (А. 7. 215). В «Необыкновенной истории» он с горечью замечал: «За мной стали усиленно следить... В самом ли деле я религиозен, или хожу в церковь так, чтоб показать... что? Кому? Теперь при религиозном индифферентизме, светские выгоды, напротив, требуют почти, чтоб скрывать религиозность, которую вся передовая часть общества считает за *тупоумие*? Следовательно, перед кем же мне играть роль? Перед властью? Но и та, пользуясь способностями и услугами разных деятелей, теперь не следит за тем, религиозны ли они, ходят ли в церковь, говеют ли? И хорошо делает, потому что в деле религии свобода нужнее, нежели где-нибудь» (Б. 7. 388).

Еще М.Ф.Суперанский в 1913 году писал: «Что касается внутренней религиозности, то о ней мы знаем очень мало. В эту святая святых своей души он не пускал любопытных глаз. О религии с людьми, равнодушными к ней, он говорить не любил... или отделялся мало значащими фразами. ... он не был способен высказывать свои душевные мысли в этой области, и если случайно проговаривался, то сейчас же старался сдержаться, тотчас же посмеяться над собой».

¹⁴ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М, 1950. С. 325.